

«Огненное вознесение пророка Илии»

в старообрядческой иконописи горнозаводского Урала и Ветки

Илья-пророк принадлежит к числу святых, наиболее популярных и почитаемых на Руси. Он почитался прежде всего как великий отшельник и боговидец, прорицатель и грозный обличитель, слышавший в пустыне глас Божий. Особое значение в развитии культа Илии имела идея праведности – Илья был взят на небо, избежав смертной доли. Аскет и праведник, Илья понимался и как прообраз монашества, в его образе подчеркивались качества, созвучные монашеским нравственным идеалам.

1. «Пророк Илья обличает царя Ахава». Клеймо иконы «Огненное вознесение Пророка Илии, с житием». Около 1731 г. Галич. Собрание КГОИАМЗ «Ипатьевский монастырь».

На Руси Илье традиционно приписывалась чудодейственная власть над стихийными силами природы — грозой, тучами, громом и молниями. В основе этого аспекта почитания лежат библейские сказания об Илье, в которых подчеркивается могущественная способность пророка распоряжаться огнем и водой. В первом из сказаний об Илье рассказывается, как он жил в пустыне у потока Хораф и пил оттуда, пока этот поток не высох, ибо не было дождя на земле. На третий год бездождия, когда в стране был сильный голод, Илья совершил чудесное жертвоприношение на горе Карми, когда «пылал огонь и лилась вода». После этого «небо сделалось мрачно от туч и ветра, и прошел большой дождь» (3-я Книга Царств. 18, 45). В другом сказании говорится о том, как Илья, живший отшельником на горе Хорив, дважды попал огнем посланцев царя (4-я Книга Царств. 1, 9—12). В сказании о вознесении Илии описывается, как Илья, стоявший с Елисеем у реки Иордан, ударил своей милотью по воде, «и расступилась она туда и сюда, и перешли оба посуху» (4-я Книга Царств. 2, 8). Наряду с почитанием Илии как покровителя сил природы, он почитался и как покровитель плодородия, чему способствовали не только его власть над погодой, но и совпадение дня его памяти (20 июля по старому стилю) с периодом жатвы. Примечательно также библейское сказание о чуде с вдовицей из Сарепты Сидонской. Так, по слову Илии, в доме у вдовицы «мука в кадке не истощится, и масло в кувшине не убудет до того дня, когда Господь даст дождь на землю» (3-я Книга Царств. 14, 16). Известно также почитание Святого Илии как покровителя скота, что сближает его культ с культами таких святых, как Флор, Лавр, Власий и Модест. Так, на Ильин день, по данным исследователей, в ряде регионов России (Урал, Север) совершался обряд принесения в жертву Илье быка, барана, а также оленя или лося.

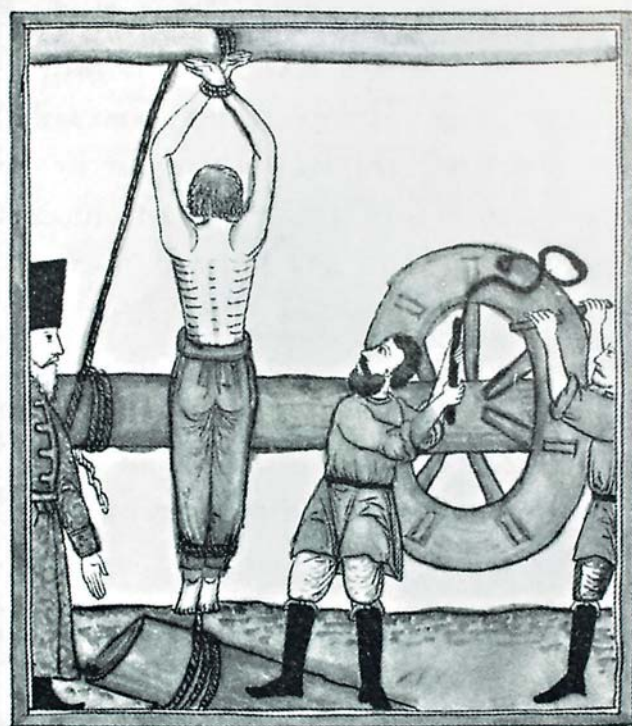
2. «Сожжение протопопа Аввакума, дьякона Федора, Лазаря и Епифания». Миниатюра из лицевой рукописи конца XIX — начала XX в. Собрание ГИМ.

Кроме того, у карел и вепсов Илья должен был охранять стадо от волков. Наконец, Илья почитался и как целитель-чудотворец, воскресивший сына Сарептской вдовицы. На Руси существовало огромное количество храмов и приделов, монастырей и часовен, посвященных Святому пророку Илье. Ильин день — один из значимых и главных праздников в церковном календаре: в этот день устраивались крестные ходы, читались каноны о дожде и бездожде, проводилось освящение воды. Почитание святого в народной среде породило большое количество пословиц и примет: «На Илью до обеда — лето, после обеда — осень», «Илья-пророк два часа уволок», «Гром гремит — Илья в поле копны считает», «Илья жатву начинает, а лето кончает», «До Ильи грачи поодиночке, после — стаями», «На Илью — баранью голову на стол».

Святой пророк Илья был особо чтим и в старообрядческой среде. Староверы почитали его прежде всего за ревность о Господе, исповедование истинной веры и бесстрашное обличение «сильных мира сего» в отступлении от Бога. Особое уважение вызывал тот факт, что, живя во время самых нечестивых царей в истории Израиля — Ахава и Охозии, во времена страшных гонений за веру, когда все боялись сказать хоть слово, он смело обличал царей, рискуя собственной жизнью (илл. 1). У старообрядцев, подвергавшихся постоянным гонениям, люди, которые, как святой пророк, мужественно вставали на защиту Истинной Веры (протопопы Аввакум и Иоанн Неронов, епископ Павел Коломенский, священник Лазарь, дьякон Федор, боярыня Морозова, княгиня Урусова, монахи Соловецкого монастыря и многие другие), вызывали огромное почитание. В творчестве староверов самых разных согла-

3. «Священномученик протопоп Аввакум». Икона. Первая половина XVIII в. Собрание ГИМ.

страшная казнь капитана Василия Левина за крестное знамение и древнее предание.

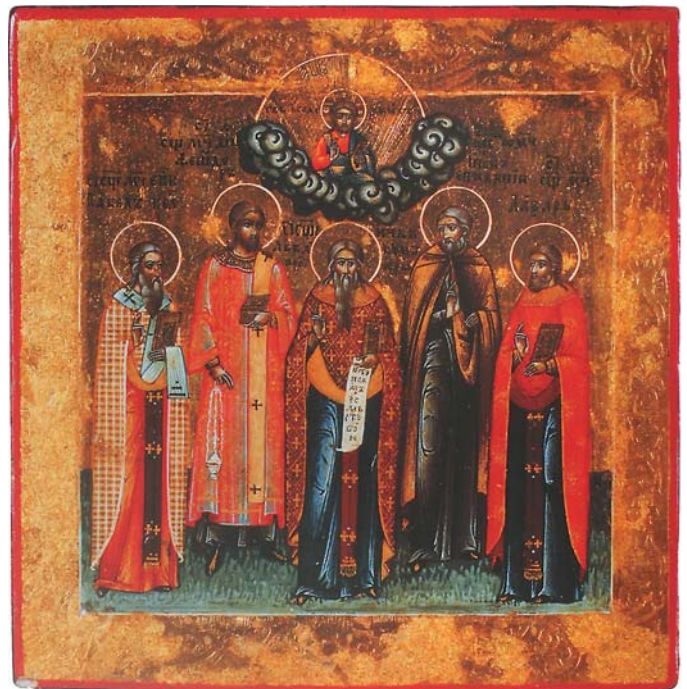
4. «Страшная казнь капитана Василия Левина за крестное знамение и древнее предание». Рисованная религиозная картинка. Начало XX в. Собрание библиотеки Академии наук, СПб.

сий и толков красной нитью проходит тема прославления своих мучеников и страдальцев за веру (сказания, духовные стихи, книжные миниатюры, настенные изображения и даже иконы) (илл. 2—7). Почитали старообрядцы Святого Илью за пустынножителем и отшельником. Как уже говорилось выше, Святой Илья понимался как прообраз монашества; староверы же вкладывали в это особый смысл. Старообрядцы (особенно в конце XVII — начале XVIII века) считали, что конец света уже близок, в мир пришел Антихрист, и единственное спасение для настоящего христианина — полная изоляция от внешнего мира, мира «нечестивой веры» и греха. Поэтому многие из них уходили в далекие пустыни и леса, скрываясь от людей и не имея никаких контактов, как некогда делал Святой пророк Илья.

Особенно актуальным в старообрядческой культуре был сюжет об «Огненном вознесении Илии». Для староверов огонь являлся символом очищения души и спасения; достаточно вспомнить происходившие в конце XVII — начале XVIII века так называемые «гари» — массовые самосожжения (и сожжения во время карательных экспедиций) старообрядцев, которые целыми семьями шли в огонь, но не отступали от веры отцов. Существует предание о казни Аввакума и других пустозерских узников в 1682 году, в кото-

5. «Священномученик протопоп Аввакум». Икона. Начало XX в. Собрание ГРМ.

6. «Священномученики протопоп Аввакум, епископ Павел Коломенский, диакон Феодор, иерей Лазарь и преподобномученик инок Епифаний». Икона. Конец XIX в. Покровский храм на Рогожском кладбище. Москва.

7. «Патриарх Никон избивает епископа Павла Коломенского». Старообрядческий печатный лубок. XIX в.

8. «Огненное вознесение Илии». Меднолитая икона. Конец XIX в. Москва, мастер Р.С. Хрусталеv. Частное собрание.

ром говорится, что останки одного из них, инок Епифания, не были найдены после того, как огонь догорел, но многие свидетели видели, как «из сруба в пламени отец

Епифаний вознесся вверх в небеси как Илия на колеснице огненной». Поэтому не случайно в среде старообрядцев широкое распространение получили иконы из медного

9. «Огненное вознесение Ильи». Меднолитая икона. Первая половина XIX в. Гуслицы. Частное собрание.

10. «Огненное вознесение Ильи». Меднолитая икона. Вторая половина XIX в. Частное собрание.

литья, иконы, «очищенные огнем». Среди них особое место занимал образ пророка Ильи (илл. 8—12).

Темой данной статьи является изучение икон «Огненного вознесения пророка Ильи» старообрядческих центров горнозаводского Урала и Ветки. «Огненное вознесение святого Ильи на небо» — один

из самых распространенных иконописных изводов, связанных со святым пророком. Композиция с вознесением Ильи была

11. «Огненное вознесение Ильи и избранные святые». Меднолитой складень. Середина XIX в. Гуслицы. Частное собрание.

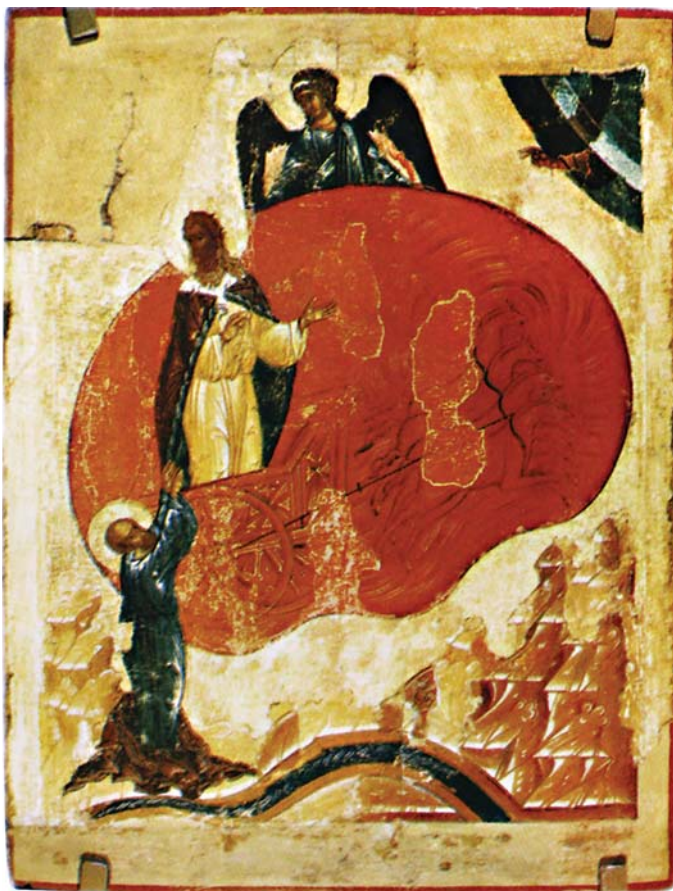

12. «Огненное вознесение Ильи». Меднолитая икона. Конец XIX в. Москва, частное собрание.

известна уже в раннехристианском искусстве, так же как и в византийском искусстве доиконоборческого периода, и широко распространяется в последующее время как наиболее типичное изображение Ильи. «Вознесение Ильи» наделялось глубоким смыслом и получало значение прооб-

раза новозаветных событий — Вознесения Христа и Вознесения Богородицы. Так, Илья, восходящий на небо и оставляющий свою милость Елисею, трактовался как ветхозаветный прообраз Богородицы, которая передает свой пояс апостолу Фоме.

13

14

15

16

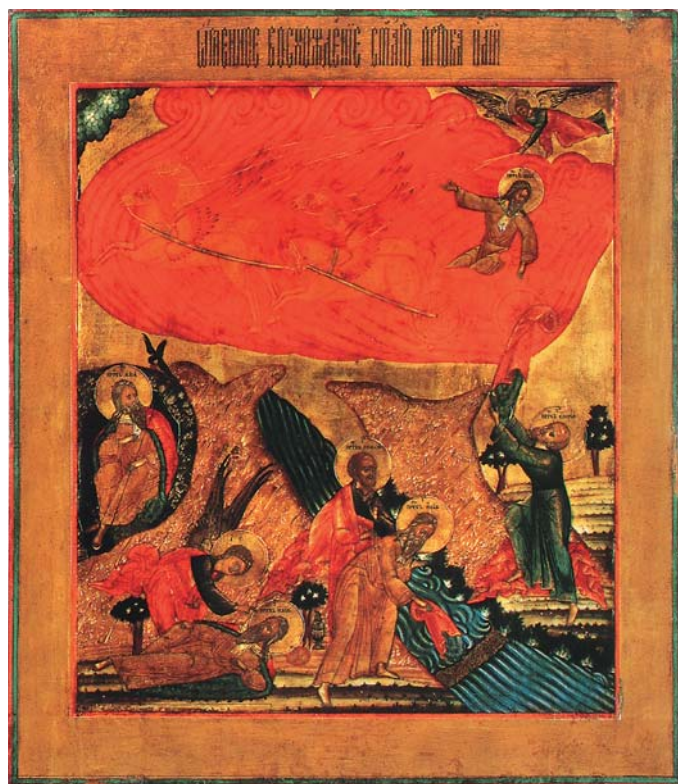
17

13. «Огненное вознесение Ильи». Икона. Конец XV в. Новгород. Собрание ГРМ.
14. «Огненное вознесение Ильи». Икона. Конец XV — начало XVI в. Русский Север. Собрание Нижегородского художественного музея.
15. «Огненное вознесение Ильи». Икона. Начало XVI в. Русский Север. Собрание ГИМ.
16. «Огненное вознесение Ильи». Икона. Вторая половина XVI в. Русский Север. Собрание Архангельского музея изобразительных искусств.
17. «Огненное вознесение Ильи». Икона. Конец XV в. Русский Север. Частное собрание.

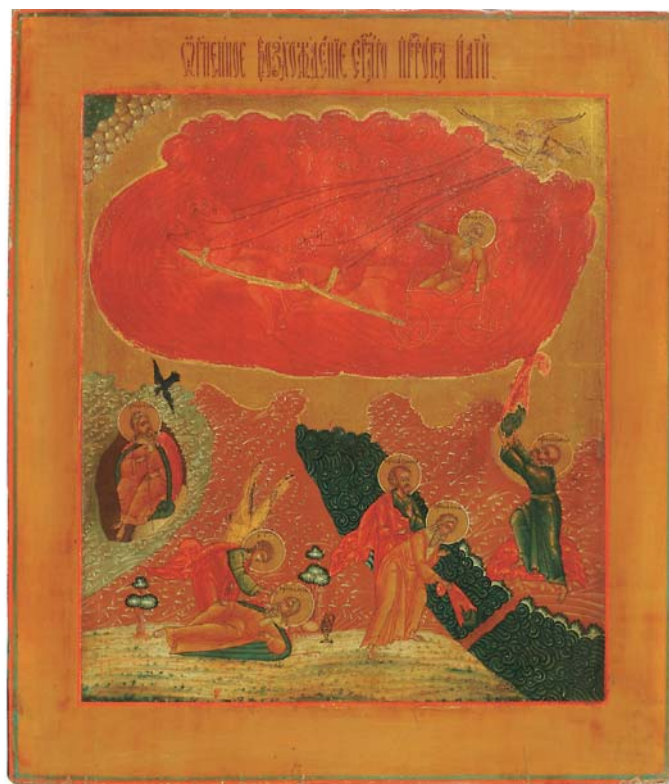
На Руси первые иконы с данным сюжетом появляются в XIII—XIV веках; с конца XV — начала XVI века композиция распространяется в древнерусской иконописи, преимущественно в новгородской и северной (илл. 13—17). Что касается икон «Вознесения Ильи» старообрядческого горнозаводского Урала, то они, как и другие иконы этого центра, на своем раннем этапе были ориентированы на Выг — духовный и культурный центр старообрядчества на Севере Руси. Выговский монастырь, основанный в 1694 году в Поморье, сыграл значительную роль в истории ста-

18. «Огненное вознесение Ильи». Икона. Начало XVIII в. Русский Север. Частное собрание.

22. «Огненное вознесение Ильи». Икона. Первая половина XIX в. Выг. Собрание ГРМ.

20. «Огненное вознесение Ильи». Икона. Середина XIX в. Выг. Собрание Центрального музея имени Андрея Рублева.

роверия как один из крупнейших его центров; созданные в северной обители памятники книжности, иконописи, медной пластики, помимо церковного, имели большое художественное значение. Иконы «Огненное вознесение Ильи» выговского письма имеют типичную иконографию, имеющую широкое распространение на Севере. Особенностью данной иконографии является доминирующее изображение огненного облака в верхней части иконы, тогда как сидящий в пещере Илья изображен обычно с левой стороны иконы и не отличается по размеру от других сюжетов (илл. 18). Выговские мастера внесли в устоявшийся извод ряд особенностей. Наряду с неоднократно упоминаемыми исследователями общими признаками выговских икон — тщательная обработка доски, беловатое вохрение ликов, изображение позёма (северный мох), горок с характерными «лещадками» (более дробными и мелкими в XIX веке по сравнению с XVIII), изображение облачков и крон деревьев в виде геометрических фигур с высветлением верхних слоев, фигурные навершия у предстоящих святых на полях — можно выделить следующие признаки, характерные именно для данного сюжета. Это изображение облака (ровного снизу и с «завитушками» сверху), четверки коней с четко очерченными миндалевидными глазами, управляемыми летящим ангелом; это плащи пророка Елисея и ангела, развевающиеся как бы от сильного ветра, а также бурная река с четко выделенными берегами. К характерным признакам можно отнести и приподнимающегося на левом локте Илью, которого будит ангел, резкую, динамичную позу Елисея, ловящего милоть Ильи, и закругленную у основания форму самой милоти (илл. 19—24). В первой четверти XVIII века, благо-

21. «Огненное вознесение Ильи». Икона. Конец XVIII в. Выг (?). Частное собрание.

22. «Огненное вознесение Ильи». Икона. Начало XIX в. Выг. Частное собрание.

даря усилиям выговских эмиссаров, на Урале возникла сеть беспоповских скитов, игравших большую роль в распространении староверия. Для бесперебойного снабжения старообрядческих общин иконами и медным литьем были созданы тайные дороги, пролежавшие через небольшие деревушки и «пустыни». Крупным центром помор-

ского согласия, координирующим связь между Выгом и Уралом, следует считать Краснопольскую слободу (Пригородный район Свердловской области, в 45 километрах от Нижнего Тагила). Она была основана в 1654 году и заселена крестьянами — выходцами из Соликамска, Чердыни и Вятки. Связанная с Русским Севером происхождением

ОГНЕННОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ СТАВРОПРЯКА ИЛИИ

23. «Огненное вознесение Или». Икона. Середина XIX в. Поморье. Собрание ГРМ.

своих первых насельников, Краснопольская слобода не теряла своих связей ни в XVII, ни в XVIII веках. В 1678 году сюда бежало около 80 семей из строгановских вотчин; факты массового бегства не прекращались и в позднее время. По указу от 9 января 1703 года Краснопольская слобода была приписана к Невьянскому заводу Н. Демидова,

являвшемуся на протяжении первой половины XVIII века важнейшим центром поморского старообрядчества на Урале. Другим значимым поморским центром на Урале было село Таватуй (Невьянский район). В отличие от Краснопольской слободы село Таватуй, расположенное на берегу озера, было более глухим и укромным. Местное преда-

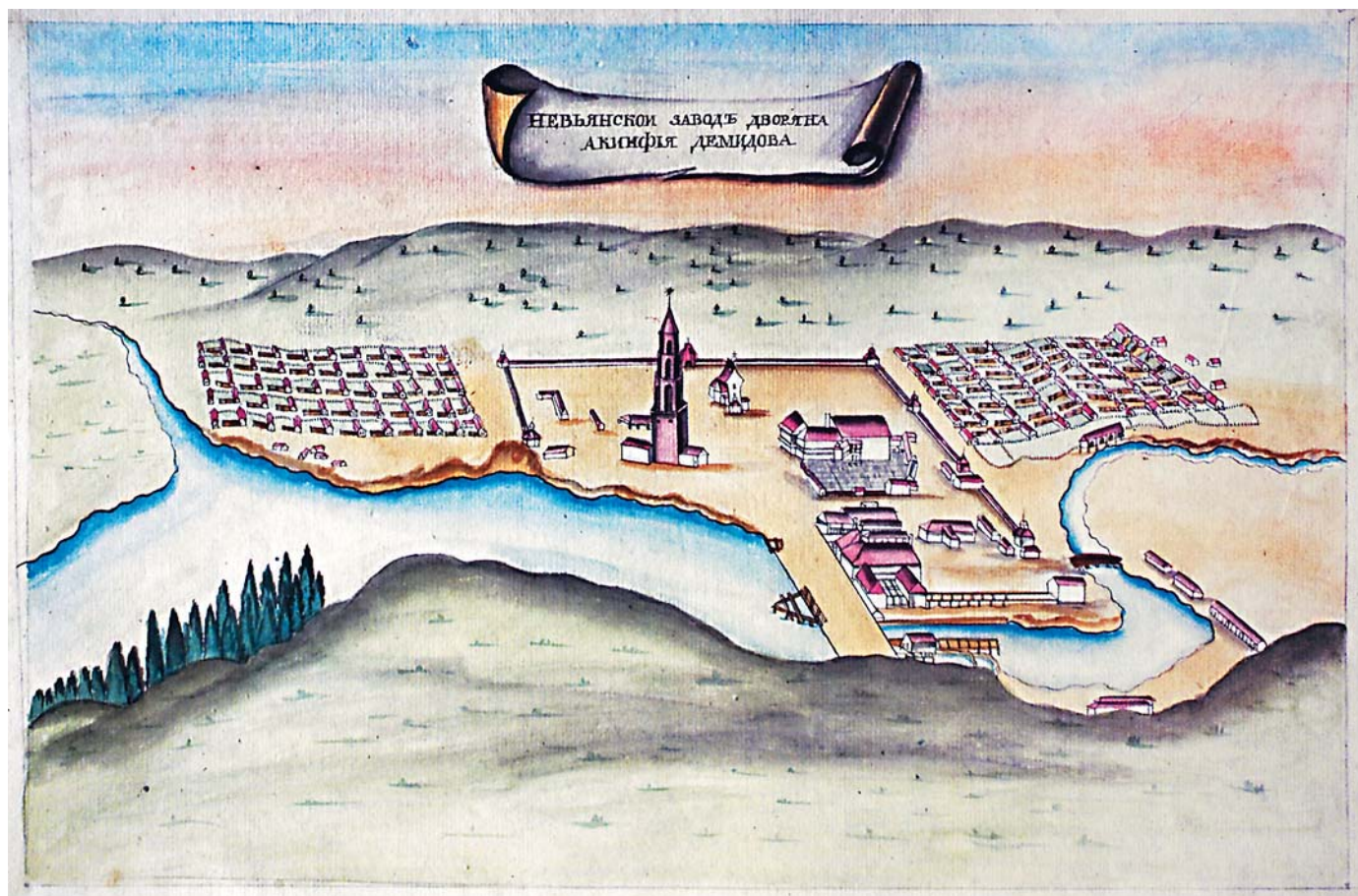
ОГНЕННѢ ВЪСХОЖДЕНІЕ СѢАГО ПРѢАІЛІИ

24. «Огненное вознесение Илии». Икона. Вторая половина XIX в. Поморье. Собрание ГРМ.

ние говорит о раннем укоренении старообрядчества в этих краях, что связано с появлением здесь ссыльных стрельцов. Кроме того, существует предание, что здесь был в ссылке

романовский поп Лазарь, впоследствии пострадавший вместе с протопопом Аввакумом в Пустозерске, и некоторые из соловецких страдальцев. Из значимых поморских

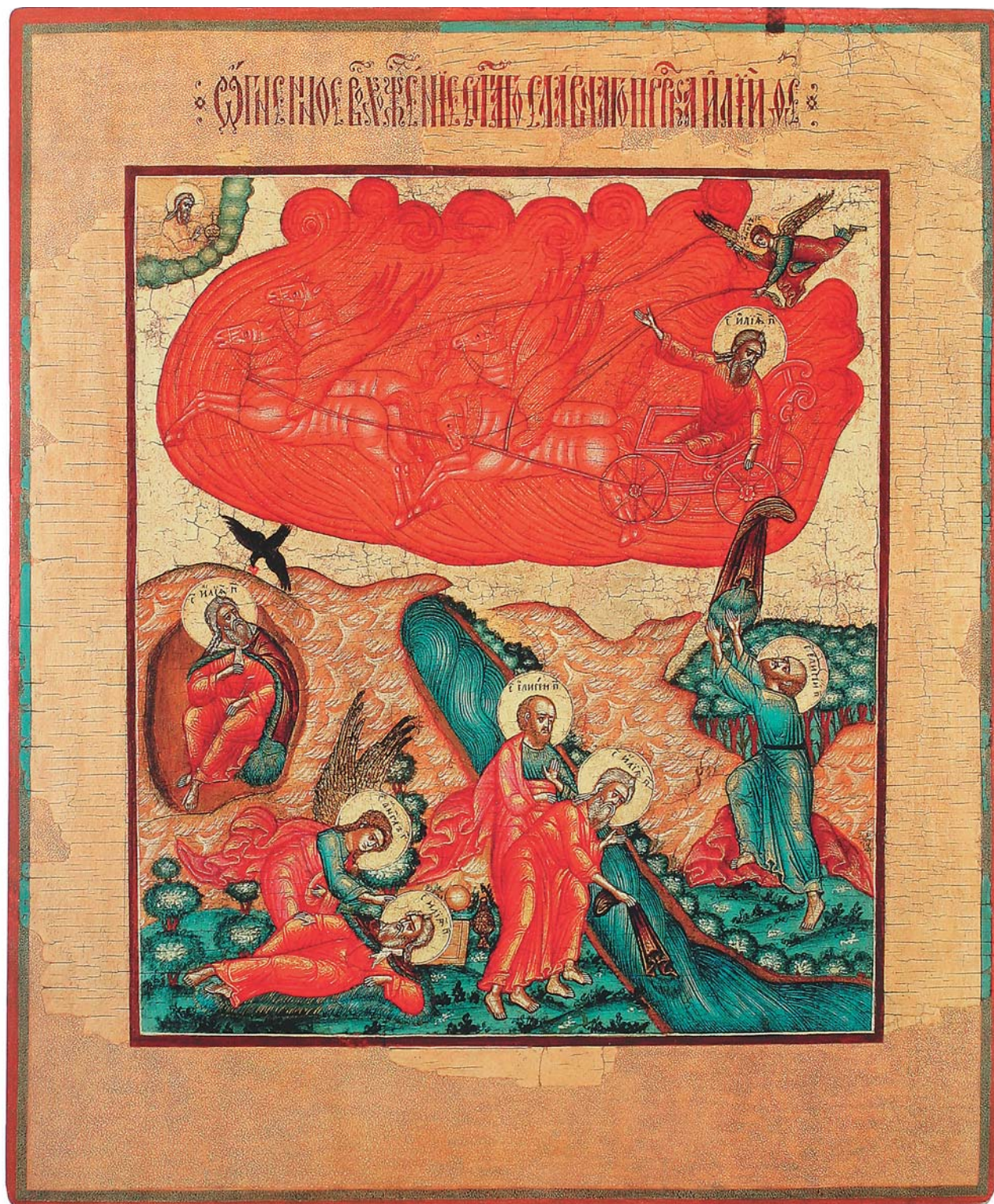

25. Вид Невьянского завода. 1735 г. (Из книги В.И. де Генни «Абрисы...».)

центров может еще быть названа Спасская Кошутская пустынь (Тавдинский район), упоминаемая в ряде старообрядческих сочинений XVIII—XIX веков. Большая роль в укреплении контактов между общинами и в формировании единой поморской организации Урала и Сибири, тесно связанной с Выгом, принадлежала Гавриле (в перекрещивании — Илье) Семенову, который пользовался полным покровительством А. Демидова. Руководимая Гаврилой Семеновым уральская резиденция Выга находилась на окраине Невьянского завода. Это был настоящий старообрядческий монастырь, при котором действовало тайное училище (илл. 25). Монастырь был разгромлен в 1750 году, что нанесло большой урон уральским поморцам. Несмотря на то, что поморское согласие уже никогда не смогло вернуть себе то влияние, которое оно имело на уральских заводах в первой половине XVIII века, оно было одним из преобладающих согласий на Урале и во второй половине столетия. Уральские старообрядцы-поморцы получали иконы не только с Выга, но и заказывали их у местных мастеров. Такие иконы стилистически и иконографически ориентированы на Выг, но одновременно мы видим в них влияние и местной художественной традиции. Можно говорить о трех основных признаках, отличающих невьянскую «поморскую» икону от собственно выговской. В первую очередь речь идет о характере обработки доски. Все невьянские иконы, включая и более поздние, написаны на идеально обработанных (сказывается

27. «Огненное вознесение Ильи». Икона. Конец XVIII в. Невьянск. Частное собрание.

26. «Огненное вознесение Ильи». Икона. Конец XVIII в. Невьянск. Собрание музея «Невьянская икона».

заводской, промышленный характер обработки), достаточно толстых досках с обязательными торцевыми шпонками — такие доски не увело ни на миллиметр спустя даже двести с лишним лет. Другой признак — изображение позема. На невянских иконах позем написан яркими и сочными красками, часто с алыми цветами, что сближает эти иконы с произведениями костромских иконописцев

конца XVII века. И наконец, речь идет о «невьянской полихромии», о звучном и насыщенном общем колорите — еще одном характерном признаке данных икон. Пример — иконы «Огненное вознесение Ильи», которые до мельчайших деталей повторяют выговские, но написаны более яркими красками. В изображении позема вместо традиционного северного мха с чахлыми деревьями, при-

27. «Огненное вознесение Ильи». Икона. Конец XVIII в. Невьянск. Частное собрание.

нятого в иконописи Выгореции, мы видим «буйство зелени уральских предгорий» (илл. 26—28). Примеры «Огненного вознесения Ильи» поморского стиля можно встретить и в еще одном направлении уральского горнозаводского старообрядческого иконописания — в красноуфимской иконе (илл. 29—31). Выделение этой группы икон в самостоятельное ответвление произошло благодаря многолетним

исследованиям специалистов музея «Невьянская икона», прежде всего Е. Ройзмана и М. Боровика.

Термин «красноуфимская икона» включает в себя памятники, созданные в XIX веке на территории Красноуфимского уезда Пермской губернии. Эти иконы, имеющие своими образцами лучшие невяньские «поморские» иконы XVIII века, сознательно сохраняют черты старого

29

30

31

29. «Огненное вознесение Илиши». Икона. Начало XIX в. Красноуфимск. Частное собрание.

30. «Огненное вознесение Илиши». Икона. Начало XIX в. Красноуфимск. Частное собрание.

31. «Огненное вознесение Илиши». Икона. Середина XIX в. Красноуфимск. Собрание музея «Невьянская икона».

невьянского иконописания на протяжении всего XIX века. Основными признаками, отличающими красноуфимскую икону от невьянской, являются графичность и отсутствие рельефа в личном письме, изображение фона и полей (белый цвет или имитационное золочение), использование темных и сдержанных по цветовому звучанию красок в сочетании с доминантным красным цветом, имитация фигурного ковчега, архаичность и статика в рисунке и пластике фигур, более толстая доска с обязательными, как и на невьянских иконах, торцевыми шпонками, характерная палеография и ряд других. Красноуфимские «Вознесения», как и невьянские, так же до мелочей повторяют выговскую иконографию (особенно на иллюстрациях 29—30), что говорит об огромном влиянии Выгорецкии и на этот регион.

Михаил ЧЕРНОВ

(Продолжение следует)